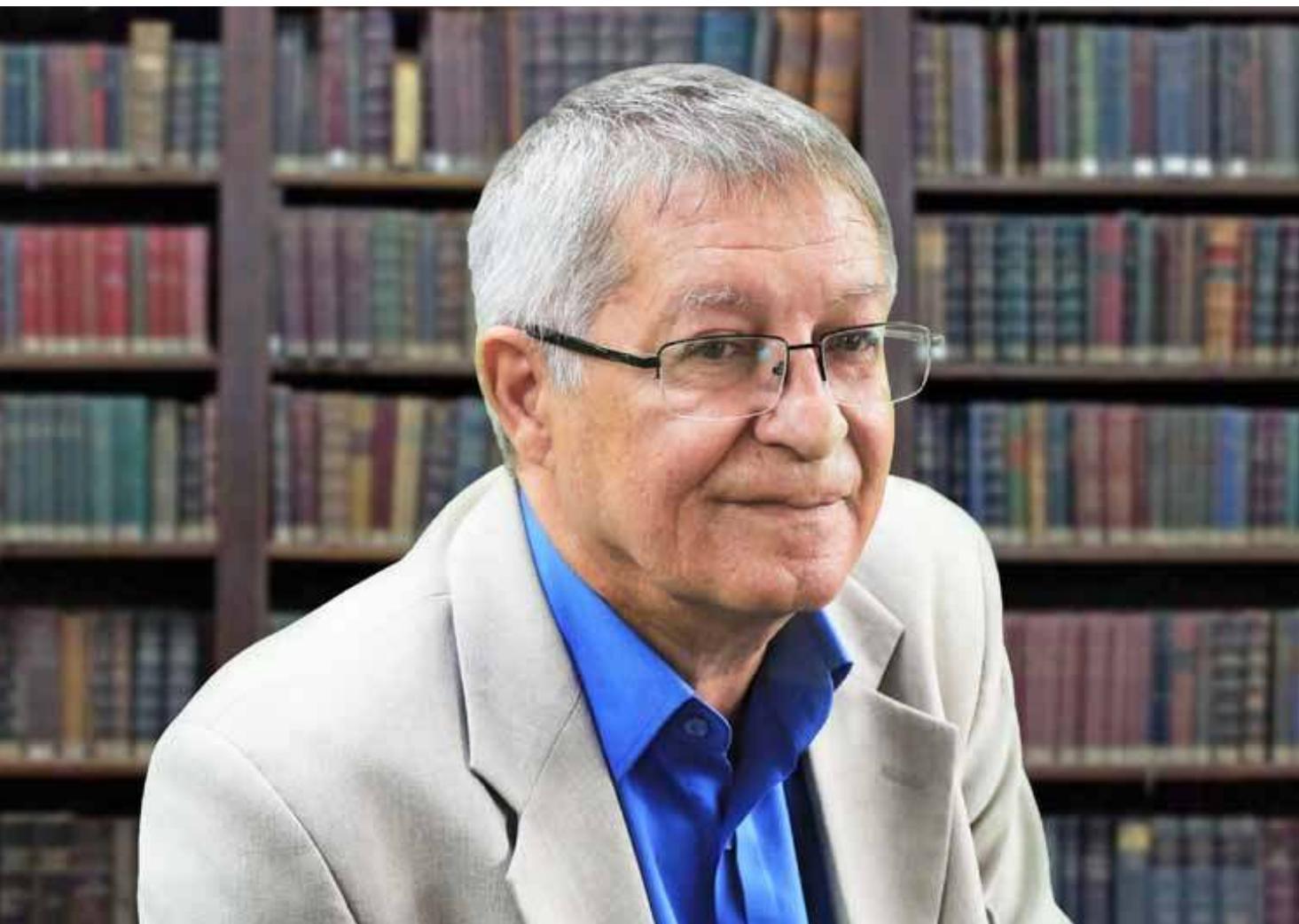

Лауреат Всероссийской Шукшинской премии 2018 года — об истории и современности, литературном деле, героях настоящих и посильных

Владимир Костин. Фото Александра Волобуева

ВСЕ ОТРИНЕТСЯ. А ЧТО ОСТАНЕТСЯ?

Владимир Михайлович, вы упомянули о неких новых экспериментальных рассказах, которые готовы предъявить читателю. Почему вы их так называете? И можно ли это принимать как новый виток в вашем творчестве?

Замечу, я не называю их, окавычивая, «экспериментальные рассказы», а просто говорю о том, что

пытаюсь поискать новые формы прозы. Не потому, что я отказываюсь от того, что написал, — не отказываюсь. Но есть еще такой огородик жизни, в который не заглядывал, но который связан с жизненной анекдотикой, со многими необычными вещами, что происходят с нами и вызывают в нас большое удивление, которое шире, чем нравственное или социальное удивление. Речь об удивлении, говорящем о многообразии жизни.

начал писать рассказы принципиально небольшие, и, кажется, половина цикла уже сделана. Я их называю «рассказы про всё», и, думается, в названии уже видна установка. Как у Чапека были рассказы, из одного кармана, из другого, хотя я не смею равняться с Чапеком, но тропа — одна.

Обращусь к вашей фразе, произнесенной со сцены: «Чтобы жить в Томске, нужно иметь крепкие нервы». А где хотели бы вы жить?

Хотел, и не один раз, уехать из Томска. Но здесь живет моя семья, моя жена, у которой уже совсем не молодые родители. Как я могу от них уехать? Я хотел бы жить в Хакасии, но не в самом Абакане, а в пригороде. Я понимаю, что однажды великая утренняя степь или степь июльская, после дождя, — когда-то это будет для меня самым важным. Все отринется, а это останется. Или на енисейском правобережье, где живут мои сельские родственники, — там замечательные ландшафты. В Томске меня всегда ужасало, что вокруг него и дальше, нет той красоты мира — степного, горного, — которая была дана мне при рождении, она во мне, красота хакасских степей, и меня туда тянет: и воздух, и закаты, и восходы. Что значит вырасти среди ребят в Хакасии, когда половина твоих детских друзей — хакасы? Хочется видеть эти лица. Чувствую себя породненным с ними. Я, когда встречаю хакаса, алтайца, всегда испытываю некоторый внутренний трепет, и пытаюсь что-то вспомнить из забытых слов детства, когда-то на бытовом уровне я неплохо общался с ребятами. Сейчас многое позабыто, но какие-нибудь красивые слова я всегда могу сказать. Я жил в особенном доме, где все хозяева квартир сплошь преподаватели абаканского пединститута и местная творческая интеллигенция, национальный состав, русских и хакасов, был уравновешен, хотя в целом численность хакасского населения невелика в Абакане. Если были ссоры, то хакас Серёжа Тульшев обзывал меня по-русски, а я его, конечно, на хакасском.

В вас есть хакасская кровь?

К сожалению, нет. Хотя в каждом русском человеке есть хоть какая-то толика тюркской крови, потому что больше полутора тысяч лет восточные славяне соседствовали с тюрками. Помните «Повесть временных лет» и рассказы о том, что были тогда уже в некоем казачьем полукруге южнее Киева и турки, и черные клобуки, и берендеи — все племена. В древнерусском языке тюркские слова появились очень рано. Потом были печенеги, не самые добрые друзья наши, которые пили брагу из черепов наших вождей, затем было много-много-многолетнее сотрудничество, я бы так сказал, в степи с половцами, среди которых было много христиан, а затем приход великой тагаро-монгольской орды, иго. Кто-то сомневается в том, что это было иго. Конечно, это было иго, но и долгое сотрудничество. В нашем богатейшем языке все отпечатывается. Сколько в нем прекрасных тюркских слов, комплиментарных, я уж не говорю о матерных — тут-то вообще «огромное спасибо» татаро-монгольской стороне нашей жизни, но ведь и ласковых, и красивых слов очень много. Мы знаем и лесной взгляд, и степной взгляд, тем более что восточные славяне жили в степях, ковылях, звались «поляне». У меня мама наполовину украинка, наполовину черногорка, а по папе я — воронежец, это тоже южная Русь. Бабушка — черногорка, а Черногория стояла на границе Османской империи. Как ни беги от родных тюркских примесей, не убежишь. Если бы из Америки приехали мои предки, то и у них были

бы тюркские следы, какие-нибудь индейцы майя. Я не против. Совершаешь нечто необычное, странное — а это не я, это индеец майя. Понятна ли моя шутка?

НУЖЕН ГЕРОЙ

Вы давно говорите о том, что хотели бы написать книгу о XII веке. Чем вас привлекает этот век?

И по-прежнему хочу. Это время, с одной стороны, серьезного кризиса в восточно-славянском мире, и в тот же момент — период проявления инициативного человека, поднимающегося из недр общества. XII — начало XIII века — это очень сложное время, где заявляется характер человеческий. Потом будет орда, битва на Калке — резко изменится цвет времени, а перед рассветом многое, что утрачено в нашем национальном восприятии, что живет имплицитно, многое расцвело, потому что эпохи кризисов часто рождают нечто. Это были классические исторические весы, которые могли говорить о грядущем величии этноса и в то же время о грядущем распаде. Все пробовалось на прочность со страшной египетской силой. Очень интересное время, которое, кстати, известно расцветом дружинной поэзии. Мы сохранили слово «боян» и «Слово о полку Игореве», и кусочек скорбной песни «О гибели русской земли». Это все, что осталось. Мы даже не можем понять, что в «Слове...» обычная поэтическая штамповка, которой пользовались и барды, и скальды, и наши бояны, а что — оригинальное творчество. И еще вот что: наша летопись — она инперсональна, почти не владеет портретом (летопись начнет психологизироваться в XV веке). Портрет реального политического лица она заменяет политически украшенным, политически нужным или просто-напросто житийно-трафаретным описанием. А хочется воссоздать, представить: а как в действительности о них думали? 1185 год — год предательского игорева похода, Игорь совершил предательство по отношению к своему куму Кончаку, потому что замыслился большой поход, и он хотел опередить будущую банду грабителей со всех концов русской земли, воспользоваться замешательством в половецкой степи. Хотя отношения у нас с ними были и враждебными, и союзническими — у кого как, они жили двухголово: половцы в степи и распутившие руки и мозги русские князья. Во-первых, нужно понять до конца, что тогда происходило, а, во-вторых, я всегда помню, что в 1185 году родился Франциск Ассизский. И сразу возникает образ кочевий, совершенно своеобразного мира — мира, который и с розой, и с клинком. Кроме того, работа связана с историческим погружением, угадыванием, а поскольку хочется всегда видеть себя глубже, чем ты есть, потому и создается так много мистификаций в истории.

В XII веке явно найдется персонаж, который будет нести в себе функции героя.

Да, конечно. Герои у меня будут интересными, до конца не открою, какие. Но я нашел идеальную фигуру героя, причем это будет парный герой. С одной стороны, это будет русский человек из Новгорода — светского княжества, а может быть, и необязательно по происхождению оттуда, может быть, северянин, с другой стороны, этот человек будет половец, крещеным. Между ними будет возникать любопытная взаимосвязь. Исторический фон будет держаться на походе Игоря и после него, а фабульное развитие — взаимоотношение людей в сложнейших условиях войны, борьбы всех против всех и желания мира всему живому.

Не потому ли обращаетесь вы к XII веку, что не видите героя в наших днях?

Совершенно верно. Оттого и скатываются неопытные несозревшие литераторы в постмодерн, на мой взгляд, одно из самых рыхлейших направлений мировой культуры, или в помпезную праздничную звучащую как бы на Красной площади какого-нибудь 1 мая 1955 года высокопарность, потому что трудно найти героя. И мы, писатели, становимся максималистами, потому что нам просто хорошего труженика мало, тем более что в реальной жизни его запинаят и поставят на место. Пусть иногда и бывают прорывы, это пока не меняет литературного хода. Нужен герой. В то время, в XII веке, герои были. Были люди, которые сами выбрали свою личную судьбу, которые не боялись смерти по тем или иным причинам — язычески-религиозным, христиански-религиозным, или просто они вырастали такими медведями, волками, лосями, что по-другому жить не могли, не отдавая себе отчет, герои они или нет. В средневековом человеке, в какой-то степени свободном от традиционной стандартной системы «синьор — вассал», была вера в себя. Хотя, безусловно, люди были разные, некоторые из них предали Русь, когда пришел Чингисхан, — знаменитые бродники. Сначала они хорошо помогли Чингисхану, потом — Батыю. Но были и другие люди — цельные. Вот этой цельности и хочется: чтобы в человеке играли все инструменты, как в симфоническом оркестре. В нашем времени такого героя определить, найти и заставить в него поверить читателя очень трудно. У нас сейчас посильные герои, мы с вами можем стать посильными героями, потому что проживаем в нашей стране, в которой спинные

Владимир Михайлович Костин — писатель, драматург, литературовед, журналист. Родился в г. Абакане (Республика Хакасия). Преподавал в Томском государственном университете, кандидат филологических наук (диссертация посвящена творчеству В.А. Жуковского и А.С. Пушкина). Автор книг прозы «Небо голубое, сложенное вдвое», «Годовые кольца», «Колокол и болото», «Коробок» и др. Пьеса Владимира Костина «От равнины до равнины, через три реки» была поставлена на сцене Томского театра драмы в год 60-летия победы в Великой Отечественной войне (2005). Автор более 20 научных статей об А.С. Пушкине и В.А. Жуковском. Победитель конкурса «Лучший преподаватель Томского государственного университета» (1991). Как тележурналист удостоен звания «Человек года» (2001). Финалист национальной литературной премии «Большая книга» за книгу «Годовые кольца» (2008). Лауреат Губернаторской премии по литературе Томской области (2015). Лауреат Всероссийской Шукшинской литературной премии (2018, за книгу «Коробок»). Живет и работает в Томске.

кости еще не срослись, хребет еще не встал. Мы здесь живем десятилетиями, что-то делаем, работаем и говорим самим себе «спасибо». Это я говорю без иронии. Шестидесятилетний человек — выживший, сохранивший свое достоинство, — в некотором смысле герой. Но в каком? Есть большое время культуры, и есть конкретное атомическое время твоей сегодняшней эпохи. В своей атомической эпохе нам стоит гордиться тем, что мы выросли, у нас родились дети. А в большой? Пример простой: началась Великая Отечественная — и историю вспомнили, ища героев, вдохновляя людей. Запрещенные до 1941 года Дмитрий Донской, Михаил Илларионович Кутузов, Суворов сразу стали героями, сразу пошли фильмы, записались романы...

ИСТОРИЯ ДВИЖЕТСЯ НА ВСТРЕЧНЫХ КУРСАХ

Так что же, приравняем нашу эпоху к военному времени?

Конечно. Посмотрите на наше правительство. Я, например, глубоко уважаю Владимира Владимировича Путина, и понимаю, насколько он одинок. Понимаю, сколько между ним и делом стоят всяких средостенных в виде конкретных личностей. Это самый работающий человек и самый умный, реактивный президент в мире. Но неслучайно есть пословица про одного, который в поле не воин. У нас чудовищная бюрократия, которая дважды погубила Россию — сначала царскую, потом социалистическую. И снова может погубить.

Беду понимаем, но не учимся. Почему?

Геополитическое положение России таково, конкретные обстоятельства истории таковы, что она стала великим государством, ведь не просто между Азией и Европой она стоит, и является одновременно Европой и Азией, она еще и огромный цивилизационный коридор. В ней сосредоточены огромные недра, скоро Россия станет монополистом в области чистой пресной воды — на все это зарятся. А опыт XX века был колоссально страшным: две мировые войны, Гражданская война, страшнее всякой войны — коллективизация, которая стерла людей в порошок, потом их измельчили очередями, проработками на партийных собраниях, мелочностью всевозможной и всякой. Мужчины перестали быть мужчинами, женщины перестают быть женщинами, это люди униженные все. Люди, которые не могут даже проехать в одном автобусе толком, потому что,

Владимир Костин. Выступление в Сростках. 2018.

Фото Александра Волобуева

во-первых, им страшно тесно и страшно воняет от их нищеты, во-вторых, у всех нервы напряжены до предела. Страна-то превратилась в такой автобус. Страна страшно пила. Слишком большие испытания, слишком большие... Мне иногда странно слышать от людей уже достаточно зрелых, которые пожили в России и в той, и в этой, хотя бы жить в третьей, вопли о том, что народ у нас такой-сякой, неважный, пассивный. Ага... Неизвестно что бы осталось от другого народа, которому достались бы подобные испытания, даже вполонину их. Народ восстанавливается, я надеюсь. Уже происходят совершенно нормальные позитивные вещи, хотя история сейчас движется на встречных курсах. Глобализация, которая прет отовсюду, отупление людей через Интернет, шоу-бизнес, поп-культура говорит человеку, что он прекрасен таков, каков есть и «завтра может быть президентом», а «я подарю тебе звезду» и что-то еще. С другой стороны возникает форма искусства, которая, паразитируя и стебаясь над прошлым, говорит человеку: «Ты дерьмо, Бога нет, все относительно», я имею в виду сейчас всевозможные ответвления пост-модерна и постпостмодерна. Разумеется, это встречная сила, почему и речь идет о боестолкновении определенном. Очень богатые люди на планете хотят, чтобы человечество было одинаковым, как квадратные помидоры, и было просто потребителем. Хотя зачем это нужно богатым по большому счету — это большой философский вопрос. Ну они-то уже ни о чем не думают.

Да, всем шариком хотят владеть...

И шариком хотят владеть, и сами превращаются в Шариковых. Вернее: у учителя уже появляются все черты жертвы. Слишком долго вместе сидят. Стокгольмский синдром наоборот. Это чрезвычайно опасно. Опасно тем, что человек теряет свои родовые свойства, слишком быстро живет. Наука география умерла, романтики в душе нет, человек смеется над словом «романтика». Магазины называются «Святой Грааль». Конечно, битва идет, она не такая, как раньше. Она не поддается дебильному тезису «мягкая сила», это глупая поверхностная терминология. Битва идет внутри самого человечества.

ШУКШИНСКАЯ — ЧИСТАЯ ПРЕМИЯ

Владимир Михайлович, следите ли вы за современной литературой, читаете кого-то из современных авторов?

Сейчас редко. Вообще писатель должен много читать и знать, я не верю в писателей-самородков. Отдельные писатели живут рядом с землей, смотрят на рассвете в речку и разгоняют утренний туман — это тоже великолепно и связано с древними языческими текстами, хотя человек не знает даже, что они языческие. Это одно. Но современников читать бывает тяжело, особенно когда сам находишься в поисках голоса. Пушкин сбить никого не может. Если тебя сбил Пушкин, значит, ты не писатель. Но современник может сбить прицел, повлиять или обидно открыть что-то, опережая тебя. Это происходит потому, что мы ходим по общим тропам. Поэтому читаю очень избирательно и достаточно много интересного нахожу и в поэзии, и в прозе.

Поговорим о больших литературных премиях, про которые сегодня понятно, что существуют они в связке с издательствами, заинтересованными в массовых продажах. Отсюда ясна и матрица книги-победителя: остросюжетное или экзотическое легко читаемое произведение. Да, читатели ведутся на премии, покупают книги писателей-победителей, знают их имена. Это все нужно. Но вместе с тем ситуация представляется несколько поповской. Не кажется вам эта схема бесполезной для литературы?

Эта схема заставляет художника приспособливаться, торопиться, привыкать к золотым снам о больших деньгах, которые позволят ему, наконец-то, написать большую вещь, а пока он только к ней карабкается. В XIX веке никаких литературных премий не было, а это наш самый золотой фонд. Премии, конечно, разворачивают. Но сейчас мы в каком-то особом положении. Я даже думаю, что, когда присуждали Сталинские и Ленинские премии, это было не так опасно, как сейчас. Но бог с ним, присудили премию идеологическим холоумам, тем более что часто премия вручалась действительно очень хорошим писателям, особенно в эпоху оттепели. Чингиз Айтматов в 1963 году получает Ленинскую премию за совершенно молодые «Повести степей и гор» — какой старт для человека, какая финансовая основа для творчества. И был великий писатель, который начал оступаться, осекаясь, лишь когда достиг преклонного возраста. А сегодняшние премии стали полем борьбы между патриотами и либералами, между издательствами, иногда они присуждаются вполне справедливо, часто — совсем не справедливо. На этом фоне Шукшинская литературная премия как чистая премия, опирающаяся на высокий провинциализм, на родную почву более объективна. Рад, что я ее получил наконец-то. А по отношению к большим премиям хочется высказываться осторожно, некоторые лауреаты, на мой взгляд, не соответствуют никаким серьезным параметрам литературы, а некоторые вполне соответствуют. Видимо, меняется состав жюри. Например, некоторые имена в коротком списке «Большой книги» этого года вызывают вопросы, но это уже не мое дело.

Вы возвращаетесь в Томск и сразу за письменный стол? И только ли письмом вы занимаетесь сегодня или имеются дополнительные служебные обязанности?

К счастью, день в день я ушел на пенсию. Приработки, конечно, бывают всякие: рецензии, работа в жюри. Очень хочется сразу сесть за стол, работать хочется. Но и семью надо содержать. Вот когда уже совсем художник забывает о семье — это вопросы к нему, не к жене. Мне, кажется, в этом смысле стыдиться нечего, я и паркет клал, и плитку. Подрабатывал, когда была нужда. А сейчас я собираюсь работать, у меня накопилось. Я еще не все сказал. ❏

Беседовала Лариса Вигандт